

Прешерн Франце Ксаверий

**Стихотворения Франца
Преширна**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф82

Ф82 **Франце Ксаверий П.**
Стихотворения Франца Преширна / Прешерн Франце Ксаверий – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 344 с.

ISBN 978-5-519-79527-2

ISBN 978-5-519-79527-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

20 ноября (3 декабря н. ст.) текущего года исполняется ровно сто лѣтъ со дня рожденія Преширна, лучшаго изъ словѣнскихъ и одного изъ лучшихъ славянскихъ поэтовъ вообще.

Такъ какъ предлагаемый переводъ его стихотвореній, въ качествѣ юбилейнаго дара въ память и честь тому, кѣмъ могутъ гордиться всѣ славяне, рассчитанъ не на ученыхъ славистовъ, а на любителей поэзіи, независимо отъ круга ихъ познаній и занятій, переводчикъ счелъ своимъ долгомъ облегчить по мѣрѣ силъ пониманіе своего труда читателямъ не только посредствомъ примѣчаній при текстѣ, но также путемъ предварительнаго сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣній о поэтѣ, объ окружавшей его средѣ и объ его произведеніяхъ.

Словѣнцы, иначе словинцы*), которыхъ те-

*) Такъ ихъ называютъ многіе слависты по примѣру чеховъ, которые такимъ образомъ отличаютъ въ терминологіи языкъ словѣнцевъ, „словинскій“, отъ языка словаковъ, называющихъ свой языкъ „словѣнскимъ“. Престіе слависты называли словѣнцевъ иногда хорутанами, что такъ же неверно, какъ если бы кто всѣхъ поляковъ назвалъ мазурами.

перь насчитывается около 1¹/₂ милліона, принадлежатъ къ юго-славянской вѣтви, къ которой относятся также сербо-хорваты, болгары и то племя, которое говорило на церковно-славянскомъ языкѣ. Словѣнцы живутъ въ юго-западной части Австріи и въ сѣверо-восточномъ углу Италіи, а именно въ Крайнѣ (Верхней, т.-е. горной, Нижней, т.-е. равнинной, и Внутренней, орографически менѣе опредѣленной, откуда дѣленіе жителей на горѣнцевъ и долѣнцевъ), Хорутаніи, Штиріи, Истріи, юго-западной Венгріи и во Фріулѣ (резьяне). Но и въ этихъ мѣстностяхъ они отчасти перемѣшаны съ нѣмцами, мадьярами и итальянцами, не говоря уже о хорватахъ. Особенно крѣпко засѣли нѣмцы въ главномъ городѣ Штиріи, Градцѣ (по-нѣмецки Gratz), съ его университетомъ. Плотнѣе всего словѣнское населеніе въ Крайнѣ, главный городъ которой, Любляна (по-нѣмецки Laibach), представляетъ собою средоточіе умственной дѣятельности и гражданственности словѣнцевъ.

Въ Крайнѣ, именно въ Верхней, родился и Францъ Ксаверій Прешпирій (France Ksaverij Prešerin, какъ онъ писалъ самъ, или Prešeren, Preširen, какъ пишутъ его фамилію теперь, произнося ее также двояко — съ é или съ í въ среднемъ слогѣ). Родомъ онъ былъ крестьянинъ изъ горнскаго села Вербы (Vrba). Ква-

соты его родного края, прелестнѣйшаго уголка всей словѣнской земли, воспѣты имъ въ поэмѣ „Крещеніе при Савицѣ“ (ст. 33—40). Семья Преширновъ состояла изъ отца (Симона, прозвищемъ Рыбака), матери, пяти дочерей и трехъ сыновей; изъ нихъ двѣ дочери были старше Франца, а два сына моложе его. Такъ какъ мать знала по-нѣмецки, Францъ познакомился съ этимъ языкомъ, вѣроятно, еще дома. Благодаря денежной помощи своего дѣда (брата матери отца), Иосифа Преширна, священника въ Нижней Краинѣ, онъ поступилъ семи лѣтъ въ народную школу въ мѣстечкѣ Рыбницѣ, верстахъ въ 35 на ю.-в. отъ Любляны. Такимъ образомъ Преширнъ и по происхожденію и по первоначальному образованію — чистый горонецъ, и притомъ стоявшій близко къ народу. То и другое отразилось на его творчествѣ: въ языкѣ — значительной примѣсью горскихъ словъ, грамматическихъ формъ и особенностями горскаго выговора, которыми объясняются у него нѣкоторыя ударенія и рѣзмы, но также глубокимъ знаніемъ народной рѣчи во всѣхъ ея отѣнкахъ — отъ трогательной нѣжности (въ лирикѣ) до грубоватаго юмора съ весьма крупной солью (въ сатирѣ), а въ содержаніи — любовью къ народнымъ формамъ поэзіи и реализмомъ изображенія, не тѣмъ вымученнымъ, искусственнымъ и потому преувеличеннымъ и умышленно

грязнымъ, который теперь встрѣчается въ литературахъ романскихъ народовъ и заклеимъ еще въ древности Гораціевымъ „*incredulus odi*“ (возмущаюсь, не вѣря), а тѣмъ здоровымъ, естественнымъ, состоящимъ въ вѣрности тому, что есть, а не тому, что бываетъ, который свойственъ особенно славянамъ и нашелъ себѣ превосходное выраженіе не только у русскихъ, но и у поляковъ, при всей ихъ склонности къ мистицизму и фантастичности.

Любознательность, соединенная съ необыкновенными способностями, которыя Прешпръ обнаружилъ уже въ сельскомъ училищѣ, искала его, какъ „хитрая змѣя“ (см. сонетъ 21), къ приобщенію высшей наукѣ, и вотъ въ 1811 г. онъ поступилъ въ Люблянскую гимназію. Несмотря на недостатокъ времени, значительную часть котораго онъ долженъ былъ посвящать урокамъ для добыванія средствъ къ жизни, онъ и тамъ шелъ однимъ изъ первыхъ. По окончаніи курса въ гимназіи, онъ отправился въ 1822 г. въ Вѣну для занятія юридическими науками. Выборъ этой спеціальности былъ обусловленъ, вѣроятно, тою же заботой о хлѣбѣ насущномъ. А пока онъ еще приобрѣталъ тѣ познанія, изъ которыхъ рассчитывалъ извлечь со временемъ матеріальную пользу, онъ и въ Вѣнѣ долженъ былъ поддерживать свое существованіе уроками латинскаго и греческаго языковъ. На

этотъ разъ обученіе молодежи повлекло къ знакомству, которое внесло имя словѣнца Преширна въ исторію нѣмецкой литературы: между его учениками въ Клинковстрѣмовомъ институтѣ оказался люблянскій нѣмецъ, Антонъ Александръ графъ Ауэрсбергъ, въ послѣдствіи весьма извѣстный нѣмецкій поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ Анастасія Грюна (Зелѣнца, какъ перевелъ Преширнъ въ заглавіи своей мастерской передачи его стихотворенія „Три желанія“). Такъ какъ разница въ годахъ между ученикомъ и учителемъ не достигала шести лѣтъ (графъ Ауэрсбергъ родился 31 марта = 12 апрѣля 1806), взаимныя отношенія двухъ земляковъ, при одинаковости наклонностей, скоро перешли въ дружбу, которая, правда, по различію условій жизни того и другого поддерживалась позже лишь издали и, кажется, довольно слабо, однако по смерти учителя была увѣковѣчена благодарнымъ ученикомъ въ стихотвореніи въ память Преширна (*Nachruf an Preschiren*). Уже въ то время Преширнъ писалъ стихи по-нѣмецки и, конечно, по-словѣнски, но изъ нихъ обнародовано было тогда же лишь одно, „Дѣвицамъ“, появившееся одновременно въ словѣнскомъ подлинникѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ автора въ 1827 г. въ люблянскомъ нѣмецкомъ „Иллирійскомъ Листкѣ“.

Вѣнѣ же былъ Преширнъ обязанъ и другимъ

знакомствомъ, также самымъ дружескимъ, но противоположнымъ первому по распредѣленію ролей: этотъ другъ былъ извѣстный чешскій филологъ, поэтъ и патріотъ Францъ-Ладиславъ Челаковскій (1799—1852), который оказалъ сильное вліяніе на молодого Преширна, ознакомивъ его на мѣстѣ, въ Прагѣ, куда свозилъ его на вакаціяхъ, съ тогдашнимъ движеніемъ чеховъ во имя подъема народнаго духа и на пользу сближенія съ прочими славянами на почвѣ науки и дѣятельнаго сочувствія между соплеменниками. Что проповѣдь Челаковского не пропала въ этомъ случаѣ даромъ, тому очевиднымъ доказательствомъ служатъ многія стихотворенія Преширна изъ разныхъ эпохъ его жизни. Челаковскій, какъ поэтъ, первый изъ славянъ оцѣнилъ Преширново дарованіе, а Преширнъ до конца жизни сохранилъ почтительное отношеніе не только къ Челаковскому, но и къ чехамъ вообще, что засвидѣтельствовать — правда, вскользь — отзывомъ „ученика“ въ сатирѣ „Новая литературная школа“. Благодаря чехамъ, Преширнъ ознакомился съ трудами отца славянской филологіи, Іосифа Добровскаго, (1753—1823), въ которомъ признавалъ своего учителя и знаменитый славистъ изъ Преширновыхъ земляковъ, Варео́ломей Копы́тарь (1780—1844), строгій судья первыхъ его поэтическихъ опытовъ, посовѣтовавшій ему отло-

жить ихъ на время въ сторону. Изъ того же источника Преширнъ заимствовалъ, вѣроятно, свои познанія по другимъ славянскимъ языкамъ. Насколько онъ былъ силенъ въ нихъ, судить трудно, но во всякомъ случаѣ онъ сумѣлъ въ 1837 г. перевести съ польскаго (почему-то на пѣмецкій языкъ) стихотворенія Мицкевича „Покорность судьбѣ“ (*Rezygnacya*) и Корытка „Люблянскимъ красавицамъ“, не считая замѣчаній „ученика“ въ той же сатирѣ объ иноязычныхъ примѣсахъ у сербовъ, русскихъ, поляковъ и чеховъ. Возможно, что Корытко, сосланный въ 30-хъ годахъ изъ Галиціи въ Люблянѣ и тамъ сблизившійся съ Преширномъ, помогалъ ему въ этихъ двухъ переводахъ.

Въ 1828 г. Преширнъ пріобрѣлъ степень доктора правъ и причисленъ въ Люблянѣ къ прокуратурѣ въ качествѣ практика, не получающаго вознагражденія. Не добившись платной должности, онъ въ 1831 г. вышелъ въ отставку. Это была первая и послѣдняя его попытка на поприщѣ казенной службы. Можетъ-быть, въ поискахъ за мѣстомъ, онъ попалъ въ слѣдующемъ году въ Цѣловецъ (*Klagenfurt*), гдѣ вошелъ въ близкія сношенія съ двумя литераторами—священниками Урбаномъ Яринкомъ и Антономъ Сломшекомъ, впослѣдствіи епископомъ. Около того же времени онъ выдержалъ

испытаніе на присяжнаго повѣреннаго, послѣ чего, уже снова въ Люблинѣ, его землякъ-пріятель, докторъ Хробать, предложилъ ему въ своей адвокатской конторѣ мѣсто писмоводителя. Хробать, высоко цѣня Преширна, такъ хорошо умѣлъ ладить со своимъ чудаковатымъ подчиненнымъ, къ тому же не очень уживчивымъ, что могъ не только держать его у себя на службѣ нѣсколько лѣтъ, но даже извлечь значительную пользу своему дѣлу изъ его выдающихся способностей.

Къ этому времени, именно къ 1830 г., относится рѣшительное выступленіе Преширна на писательское поприще. Исторія словѣнской искусственной поэзіи въ связи съ разработкой языка состоитъ приблизительно въ слѣдующемъ.

До XIX в. словѣнская интеллигенція говорила и писала почти только по-нѣмецки. Словѣнская письменность за это время, впрочемъ очень скудная, находилась въ рукахъ духовенства, которое, стоя близко къ народу, не забывало родного языка и старалось на немъ поучать народъ устно и письменно. Такимъ составомъ писателей и читателей опредѣляются и содержаніе и форма тогдашней словѣнской литературы: это были молитвы, рассказы изъ священной исторіи, правоучительныя повѣствованія и размышленія въ прозѣ и отчасти въ сти-

хахъ, также популярныя сочиненія по сельскому хозяйству, лѣчебники и т. п. книжки, чисто прикладныя, написанныя на простонародномъ языкѣ по говору той мѣстности, въ которой проповѣдывало данное духовное лицо. Между духовными были люди, искренне преданные своей народности и языку и по мѣрѣ силъ и умѣнья отстаивавшіе ихъ отъ нѣмецкаго вліянія. Этимъ „родолюбьемъ“, какъ выражаются словѣны, въ значительной степени объясняется могущество тамошняго духовенства среди народа. При обособленности дѣйствій каждаго сельскаго священника и при низменности духовнаго уровня ихъ паствы образованіе единаго письменнаго языка, годнаго для выраженія всевозможныхъ отвлеченныхъ и культурныхъ понятій, было немыслимо, какъ и развитіе разнообразной и умственно свободной литературы. А между тѣмъ духовенство считало родную письменность, и не безъ причины, своимъ созданіемъ и потому своею собственностью. Отсюда понятно, почему не малая часть его впоследствии отнеслась къ переходу литературы въ свѣтскія руки и къ новому, болѣе или менѣе искусственному, языку далеко не дружелюбно, особенно духовныя лица янсенистскаго направленія, отличавшагося преувеличенной строгостью по части нравственности.

Первымъ самостоятельнымъ поэтомъ словѣн-

цевъ былъ Валентинъ Водникъ*) (1758—1819), по общественному положенію священникъ и директоръ училищъ въ Крайнѣ и въ Приморьѣ, по призванію — литераторъ и филологъ, знаменитый и до сихъ поръ не только своимъ значеніемъ въ родной письменности, но и глубоко прочувствованнымъ поэтическимъ привѣтомъ Наполеону за его попытку созданія новой, относительно свободной, Иллирин, въ составъ которой должны были войти и словѣнскія земли (1809). Каковы бы ни были слабыя стороны Водника, онъ возбудилъ интересъ къ поэтическому творчеству на родномъ языкѣ, что имѣло тѣмъ болѣе важныя послѣдствія, что почти совпало по времени съ духовнымъ возрожденіемъ прочихъ австрійскихъ славянъ, и даже указалъ тѣ три образца, которыхъ держалось большинство послѣдующихъ словѣнскихъ поэтовъ: прежде всего — поэзію народную, потомъ — древне-классическую и нѣмецкую (ср. его „Мой памятникъ“, ст. 21—24). Онъ же установилъ въ общемъ и стихотворныя формы. Объ авторитетности его еще въ 30-хъ годахъ можно заключить хоть бы изъ послѣдней „газели“ Преширна. Его памяти посвящены

*) Съ такимъ удареніемъ произносили его имя Преширнъ (Газель 7 ст. 6), Вилхаръ („Воднику“ ст. 17) и др., но говорятъ, кажется, и „Водникъ“ по нарицательному = 1) во-
жакъ, 2) мельничныя ларь.